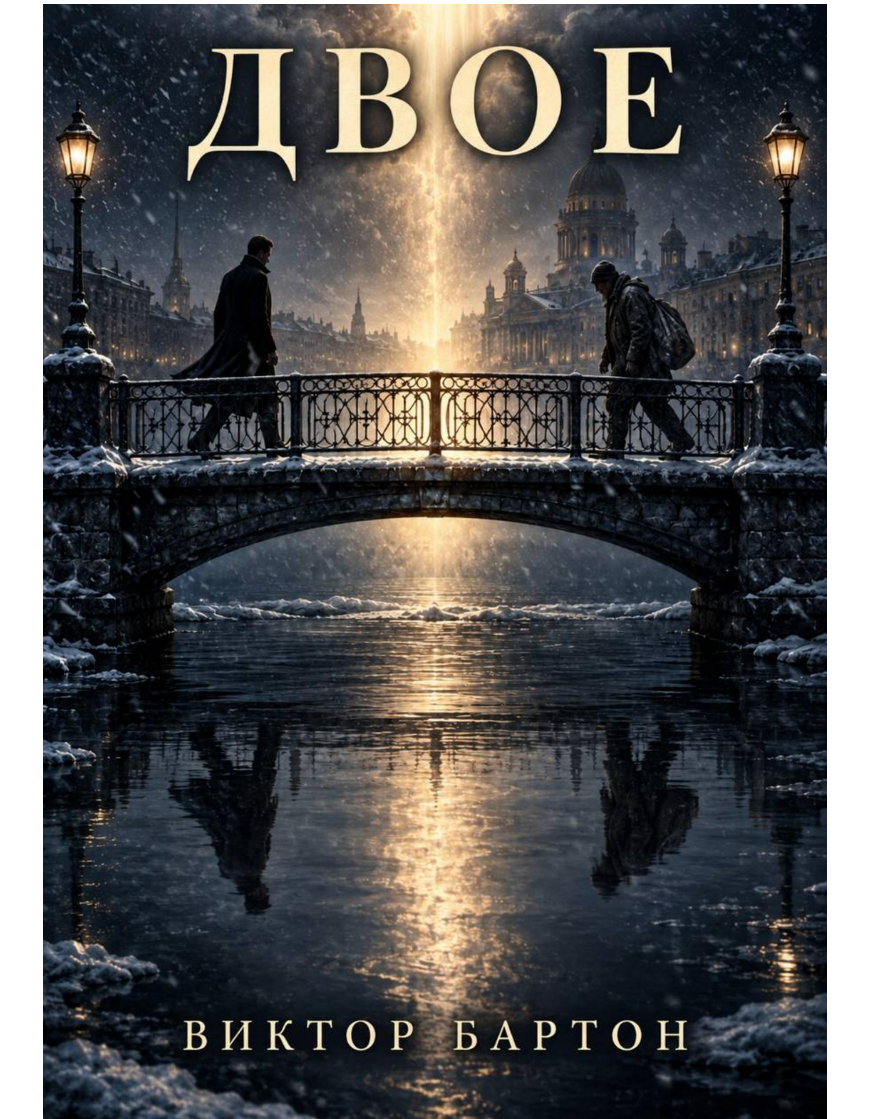

ДВОЕ

A cinematic winter scene in St. Petersburg. Two men are walking across a stone bridge over a canal. The man on the left is in a dark coat, and the man on the right is in a light-colored jacket with a backpack. The background features the city's architecture, including the large dome of St. Isaac's Cathedral, under a dramatic, cloudy sky with a bright light source. Snow is falling, and the scene is reflected in the water.

ВИКТОР БАРТОН

Виктор Бартон

ДВОЕ

<https://litres.ru/74493778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две жизни, которые не должны были пересечься.

Андрей вырос в детдоме, создал компанию и встретил женщину, которой собирался сделать предложение. Павел получил от родителей всё — и растратил всё, оказавшись на улице с долгами и страхом перед завтрашним днём.

Однажды зимней ночью они встречаются на мосту — и погибают вместе. За гранью земной жизни оба требуют вернуть их назад: Андрей — ради людей, за которых чувствует ответственность, Павел — из страха перед ожидающей его темнотой.

Им разрешают вернуться. Но не в свои жизни.

Андрей просыпается в теле Павла — без денег, имени и защиты. Павел получает лицо Андрея, его состояние, компанию, любимую женщину и благотворительный фонд. У каждого есть ровно один год.

Можно ли остаться человеком, потеряв всё? И можно ли им стать, получив власть над чужой жизнью?

«Двое» — психологический роман о свободной воле, ответственности, любви и выборе.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВОИ ЖИЗНИ	5
Глава 1. Окно	8
Глава 2. Человек, который отвечает	13
Глава 3. Сын	24
Глава 4. Разрешено всё	33
Глава 5. На дне	42
Глава 6. Незаконченный день	51
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЖДУ	57
Глава 7. Два тела	60
Глава 8. Свет	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Виктор Бартон

ДВОЕ

Двое

Виктор Бартон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВОИ ЖИЗНИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СВОИ ЖИЗНИ

Глава 1. Окно

Из раннего детства Андрей помнил три вещи: жёлтую чашку с отколотым краем, холодный подоконник и голос, который не принадлежал никому из присутствующих в комнате.

Лица родителей исчезли. Он пытался возвращать их по фотографиям из личного дела — мать с тяжёлой чёлкой, отец в расстёгнутой рубашке, — но память не соглашалась. На снимках были посторонние люди. Мать могла быть любой женщиной в очереди у молочного магазина, отец — любым мужчиной, уснувшим в электричке. Только запахи не подводили: кислое бельё, сигаретный дым, мокрая шерсть пальто и резкий смрад перегара.

В тот вечер они были особенно громкими.

Сначала отец уронил табурет. Потом мать засмеялась — коротко, неприятно, как будто поперхнулась. Потом что-то разбилось. Андрей сидел под столом и держал жёлтую чашку двумя руками. В чашке давно ничего не было, но она означала, что он занят и его можно не замечать.

— Это ты всё пропил! — кричала мать.

— Моё было — своё и пропил!

— А ребёнка чем кормить?

При слове «ребёнок» Андрей втянул голову в плечи. Опыт уже научил его: когда взрослые вспоминают о нём во время

ссоры, лучше стать маленьким и незаметным. Ещё меньше, чем он есть, ещё тише, чем холодный ветер за открытым окном.

Отец заглянул под стол.

В памяти не осталось его лица — только два мутных глаза и рука, пахнувшая железом. Рука выдернула Андрея за ворот свитера.

— Вот! — сказал отец. — Вот твоя причина! Жрала бы меньше — и ему бы оставалось.

Мать схватила сына за другую руку. Некоторое время они тянули его каждый к себе. Боли Андрей почти не чувствовал. Он смотрел, как жёлтая чашка катится по линолеуму. Она сделала полукруг, качнулась и остановилась целой.

Потом мать отпустила.

Отец не удержал равновесие и отшатнулся к окну. Зимой в квартире было жарко: батареи шипели, форточка не справлялась, и окно стояло распахнутым. Андрей оказался на подоконнике. Это случилось не как в страшных снах, где человек заранее знает, что сейчас упадёт. Он просто вдруг увидел двор с высоты.

Фонарь тускло освещал снег возле подъезда. Чуть дальше снег был серым, а у дороги — почти чёрным. Из трубы дома напротив поднимался дым. На втором этаже женщина поправляла занавеску. Мир продолжал жить, пока трёхлетний мальчик лежал животом на железном отливе, лицом к комнате, и медленно скользил наружу.

Он хотел позвать мать, но родители продолжали кричать друг на друга. Они уже забыли о нём.

Голые пальцы цеплялись за край рамы. Металл обжигал холодом. Андрей попробовал подтянуться и не смог. Ноги висели в пустоте. Он ещё не понимал смерти, зато тело понимало её без слов: сердце било так сильно, что от каждого удара он сдвигался на миллиметр.

Один палец сорвался. Потом второй.

И тогда шум исчез.

Не стих — именно исчез. Будто кто-то накрыл весь мир плотной ладонью. Андрей больше не слышал ни родителей, ни радио у соседей, ни машин, ни шума ветра. Осталось только его дыхание и спокойствие, которое пришло не из него.

Держись. Я здесь.

Голос прозвучал не в ушах. Он возник сразу внутри, рядом с самой страшной мыслью, и не позволил ей разрастись.

Андрей не почувствовал рук. Не увидел никого во дворе или в комнате. Но падение остановилось. На одно невозможное мгновение его тело стало лёгким, как рубашка на верёвке. Что-то приподняло его под грудью, подтолкнуло назад, и он свалился с подоконника на пол.

Удар вышиб воздух. Андрей лежал на спине и смотрел в потолок. По белой краске над люстрой тянулась трещина, похожая на дорогу на карте.

— Не путайся под ногами! — крикнула мать.

Он отполз под стол, нашёл чашку и прижал её к груди.

Через два дня пришли две женщины и милиционер. Отец спал в кухне, мать плакала и говорила, что всё неправильно поняли. Андрей стоял в коридоре в чужой куртке. Одна женщина присела перед ним и спросила:

— Тебя как зовут?

Он знал ответ, но молчал. Вопрос казался ловушкой. Если назваться, его снова смогут найти.

— Андрюша, — сказала мать из комнаты. — Скажи тёте, как тебя зовут.

Женщина взяла его за руку. Не сильно и не слабо. Просто взяла.

Когда дверь квартиры закрылась, Андрей обернулся. Он ждал, что мать выбежит следом. Она не выбежала.

В детском доме ему дали кровать у окна. Первую неделю он не спал: лежал, зажав кулаки между коленями, и смотрел, как за стеклом темнеет небо. Окно было закрыто на шпингалет, но Андрей всё равно проверял его каждый вечер.

Голос вернулся на девятый день.

Мальчик из соседней кровати плакал в подушку, стараясь делать это беззвучно. Его звали Костя, ему было пять, и утром за ним должна была приехать бабушка. Бабушка не приехала.

Андрей слушал, как Костя судорожно втягивает носом

воздух, и думал, что надо отвернуться. Здесь каждый плакал сам. Так было безопаснее.

Ты знаешь, что такое страх.

Андрей сел.

В спальне никто не говорил. Воспитательница дежурила в коридоре, под дверью выступала полоска света.

Значит, можешь его узнать.

Он не понял этих слов. Но встал, подошёл к Костиной кровати и молча положил рядом свою жёлтую чашку. Единственную вещь, которую ему разрешили забрать из квартиры.

Костя перестал плакать.

— Это мне? — спросил он.

— До утра.

— А утром?

— Утром отдашь.

Костя обнял чашку и уснул. Утром вернул её, как обещал.

Позже Андрей станет думать, что именно тогда впервые дал человеку в долг не вещь, а надежду. И ещё долго не поймёт, почему из всех воспоминаний голос выбрал для возвращения именно эту ночь.

Глава 2. Человек, который отвечает

В сорок лет Андрей Соколов просыпался за минуту до будильника.

Будильник был установлен на шесть пятнадцать. В шесть четырнадцать он открывал глаза, видел серый потолок спальни и сразу вспоминал, какой сегодня день, какие встречи стоят в календаре и кому он обещал позвонить. Это не было талантом. Организм просто давно понял: хозяин всё равно не позволит ему проспать.

Вера называла это внутренним надзирателем.

— У нормальных людей внутри живёт ребёнок, — сказала она однажды. — Иногда вредный, иногда испуганный, но живой. А у тебя там мужчина с папкой. Ходит по коридору и проверяет сроки.

— Зато ничего не теряется.

— Кроме самого мужчины.

Она умела произносить такие вещи легко, без нажима. Словно не упрекала, а оставляла записку на видном месте. Андрей обычно улыбался и переводил разговор. Записку он видел. Читать не хотел.

Вера была архитектором-реставратором и совладелицей небольшой студии. Они познакомились четыре года назад из-за здания, в котором теперь находился офис Андрея. Его компания собиралась превратить старую ткацкую фабрику

в обычный деловой центр: закрыть кирпич гипсокартоном, разделить цеха перекрытиями, заменить высокие окна. Вера защищала пространство так, словно оно было живым.

— Вы покупаете не только квадратные метры, — сказала она на первой встрече. — Вы покупаете память здания. Если уничтожите её, останется дорогой сарай.

Андрей тогда разозлился, потом потребовал пересчитать проект, а через неделю пригласил её выпить кофе. Кирпичные стены и высокие окна сохранили. Кофе оказался началом отношений.

Вера сохранила свою студию и свою работу. У неё не было ни должности, ни доли в компании Андрея, ни права подписи в фонде. Однажды Андрей предложил объединить их проекты и открыть в его структуре архитектурное направление. Она отказалась.

— Я хочу приходить к тебе потому, что выбрала тебя, — сказала она. — А не потому, что у меня с девяти совещание на третьем этаже.

Он уважал этот ответ. И всё же иногда забывал, что независимость Веры означала не только отдельный офис и собственный доход, но и жизнь, которая не должна была подстраиваться под его календарь.

В то утро Вера спала, отвернувшись к окну. Из-под одеяла виднелась красивая высокая шея, плавно переходившая в плечо, а на подушке лежала густая тёмная прядь её волос. Андрей несколько секунд смотрел на неё влюблённым взгля-

дом, затем осторожно встал. Вера была не только умна и проныцательна, но и удивительно красива.

На кухне он сварил кофе, открыл ноутбук и проверил финансовую модель фонда. Ещё две недели — и можно было подписывать соглашение с тремя региональными компаниями. Их регулярные взносы покрывали операционные расходы. Фонд переставал быть добрым продолжением его кошелька и становился системой, способной жить без основателя.

Для Андрея это было важно. Всё, что зависело от одного человека, однажды падало вместе с ним.

Телефон завибрировал.

Михаил: По Северному объекту опять сдвиг. Поставщик просит до пятницы.

Андрей ответил: **В 8:30 у меня. Без поставщика.**

Следом пришло сообщение от директора фонда Лиды Орловой: **Саше Ковалёву подтвердили операцию. Не хватает 1,8. Есть идея, позвоню после восьми.**

Он открыл таблицу, хотя знал цифры наизусть. На резервном счёте компании деньги были. Их нельзя было выводить до закрытия квартала. На личном — тоже были. Эти предназначались для первого взноса за дом, который они с Верой смотрели неделю назад.

Андрей перевёл фонду миллион восемьсот тысяч.

Подтверждение пришло почти сразу. Он закрыл ноутбук как раз в тот момент, когда Вера появилась в дверях. На ней

была его белая рубашка, слишком длинная в рукавах.

— Опять спас мир до завтрака?

— Один вопрос закрыл.

Она подошла, посмотрела на телефон, лежавший экраном вверх.

— Саша?

— Операцию подтвердили.

— Это хорошо.

Вера налила себе кофе, сделала глоток и поморщилась.

— Ты когда-нибудь научишься варить его не как лекарство?

— Лекарство помогает.

— Иногда. А иногда просто перебивает симптомы.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Что случилось?

— Ничего.

— Вер.

— Вот видишь. Стоило мне не так посмотреть на чашку, и ты уже проводишь совещание.

Она села напротив.

— Ты отменил воскресенье.

— Перенёс.

— Воскресенье нельзя перенести на среду, Андрей. Это будет среда.

Он вспомнил. Они собирались поехать к её сестре за город. Вчера он попросил секретаря поставить на воскресенье

встречу с инвесторами из Казани: те были проездом и другого времени не нашли.

— Это важный контракт.

— Я знаю.

— От него зависит новый цех.

— Я тоже знаю.

— Тогда в чём вопрос?

Вера поставила чашку.

— В том, что с тобой невозможно спорить. У тебя на каждое отсутствие есть человек, которого надо спасти, зарплата, которую надо выплатить, обещание, которое нельзя нарушить. Рядом с этим любое моё «я хочу побыть с тобой» выглядит капризом.

— Но ты же понимаешь, что сейчас сложный период.

— Я понимаю уже три года.

Он хотел сказать, что всё изменится после соглашения по фонду. Потом — что после запуска цеха. Потом вспомнил кольцо, спрятанное в сейфе кабинета, и промолчал. Предложение должно было стать сюрпризом. Он собирался сделать его завтра вечером, после подписания последнего документа.

— Потерпи до завтра, — сказал он.

Вера улыбнулась, но не весело.

— Это твои любимые слова.

В офис Андрей приехал без десяти восемь. Компания занимала четыре этажа бывшей ткацкой фабрики. Когда-то

здесь пахло машинным маслом и хлопковой пылью; теперь — кофе, свежей краской и нагретой электроникой. Кирпичные стены сохранили. Андрей любил вещи, которые выдерживали смену назначения.

У турникета дежурил Вадим, бывший прораб с повреждённой ногой. После травмы на стройке ему предлагали компенсацию и увольнение. Андрей создал для него должность начальника внутренней безопасности.

— Доброе утро, Андрей Сергеевич.

— Как дочь?

— Поступила. На бюджет.

Вадим расплылся в улыбке.

— Поздравляю. Передай, что с неё торт.

— Обязательно.

На третьем этаже Андрей столкнулся с молодым инженером, который прижал к груди тубус с чертежами.

— Сергей, стой. По вентиляции торгового центра ты считал сопротивление после изменения шахты?

Парень замер.

— Михаил Петрович сказал, старые расчёты проходят.

— Я спрашиваю, считал ли ты.

— Нет.

— Пересчитай до обеда. Если проходят — отлично. Если нет, исправим сейчас, а не после пожара.

Он говорил спокойно. Никогда не повышал голос при сотрудниках. Люди боялись не его гнева, а короткой паузы пе-

ред вопросом: «Почему вы решили, что так можно?» На этот вопрос редко находился хороший ответ.

Михаил ждал в переговорной. Они знали друг друга пятнадцать лет. Когда Андрей начинал с бригады из пяти человек и арендованной «Газели», Михаил вёл сметы, закупал материалы и сам развозил зарплату по объектам. Теперь он был совладельцем и операционным директором.

Пять лет назад «СеверГрад» преобразовали в непубличное акционерное общество, чтобы привлечь деньги на собственные строительные проекты. Контрольный пакет остался у Андрея, крупная доля — у Михаила, остальные акции получили ранний инвестор и несколько руководителей. Андрей сохранил должность генерального директора, но крупные решения перешли к совету из пяти человек и финансовому комитету.

Эту систему придумал сам Андрей после того, как руководитель одного из филиалов едва не вывел деньги через цепочку мелких договоров. По уставу сделки свыше десяти миллионов рассматривал комитет, а совет мог на время внутренней проверки ограничить финансовую подпись генерального директора. Андрей считал это защитой компании от чужой слабости. Возможность собственной ошибки существовала для него только на бумаге.

— Ты опять закрыл дыру фонда из личных? — спросил он вместо приветствия.

— Лида доложила?

— Лида. Она хотела понять, не придётся ли из-за этого раньше выводить дивиденды. Твои личные счета банк мне, к счастью, не показывает.

— Это мои деньги.

— Пока ты не начинаешь компенсировать их из дивидендов, которые мы договорились оставить в обороте.

Андрей снял пальто и повесил на спинку стула.

— Не начну.

— Дом?

— Подождёт.

Михаил провёл ладонью по лицу.

— Ты хоть с Верой поговорил?

— Это не её расходы.

— В этом и проблема. У тебя всё «не её»: компания не её, фонд не её, решения не её. А ждать тебя должна она.

— Мы будем обсуждать мою личную жизнь или Северный объект?

— Конечно, объект. Его проще чинить.

Они работали до полудня. Поставщик выяснился быстро: директор производства взял аванс у другого заказчика и пытался выиграть две недели. Михаил предлагал разорвать контракт. Андрей позвонил владельцу, выслушал его и дал пять дней под личную гарантию.

— Он врёт, — сказал Михаил, когда звонок закончился.

— Не во всём.

— Это новая категория надёжности?

— У него станок встал и банк заморозил линию. Если мы сейчас добьём его штрафом, без работы останутся семьдесят человек. Пять дней нас не убьют.

— Когда-нибудь твоя вера в чужой последний шанс будет стоять нам очень дорого.

Андрей посмотрел на зимнее окно переговорной. В стекле отражался он сам: тёмный костюм, прямая спина, несколько седых волос у виска. Человек, который умеет удерживать всё.

— Возможно, — сказал он. — Но первый шанс когда-то дали мне.

После обеда он поехал в фонд. В коридоре сидела мать Саши Ковалёва — маленькая женщина в пуховике, застёгнутом до подбородка. Увидев Андрея, она встала.

— Андрей Сергеевич... Лида сказала... Я не знаю, как...

Он сразу понял, что она хочет опуститься перед ним на колени. Такие движения он научился замечать раньше, чем люди успевали их совершить.

— Не надо, — сказал он и взял её за плечи. — Вы ничего мне не должны.

— Если бы не вы...

— Не я. Врачи сделают операцию. Саша будет бороться. Вы будете рядом. Фонд только оплатит счёт.

— Но деньги ваши.

— Уже нет.

Женщина заплакала. Лида подошла и обняла её, а Андрей

прошёл в детскую комнату фонда. Саша сидел у окна и собирал металлический конструктор. Ему было четырнадцать, но из-за болезни он выглядел на десять.

— Дядь Андрей, — сказал он, не поднимая головы. — А вам Лида сказала?

— Сказала.

— Я поеду.

— Поедешь.

— Мне страшно.

Андрей сел рядом. На столе лежала недостроенная модель моста — две опоры, ферма и короткий настил.

— Мне тоже бывает страшно.

Саша наконец посмотрел на него.

— Вам-то чего?

Вопрос был задан без лести. Подросток действительно не мог представить угрозу, способную дотянуться до Андрея Соколова.

— Что однажды не успею сделать важное.

— Вы всё успеваете.

— Это только со стороны так выглядит.

Саша протянул ему деталь.

— Подержите здесь. Один не могу соединить.

Андрей придержал опору, пока мальчик затягивал крошечную гайку. Мост перестал шататься.

Вечером, перед уходом, Андрей открыл сейф в кабинете. Коробочка была там. Тёмно-синяя, без надписи. Внутри —

кольцо с небольшим камнем, которое он выбирал два месяца. Ему предлагали крупнее и дороже. Он взял то, которое представил на руке Веры.

Телефон зазвонил. Инвесторы из Казани прибыли раньше. Встречу перенесли на сегодняшний вечер.

Андрей положил коробочку во внутренний карман пальто.

«Сегодня», — решил он. После переговоров он поедет к Вере и больше ничего не станет откладывать.

В шесть сорок она прислала сообщение: **Ты будешь к восьми?**

Он набрал: **Постараюсь. Есть важный разговор.**

Стер слово «постараюсь» и написал: **Буду. Есть важный разговор.**

Но не отправил. В переговорную уже входили гости. Андрей убрал телефон экраном вниз.

Глава 3. Сын

Павла ждали десять лет.

К его рождению родители успели пройти все стадии надежды: от уверенности, что нужно просто отдохнуть, до осторожных разговоров об усыновлении, которые мать каждый раз заканчивала слезами. Когда врач сообщил о беременности, отец переспросил дважды, а затем вышел из кабинета и сел прямо на пол коридора. Не потому что стало плохо. Ноги перестали держать.

Роддом выбрали в Швейцарии. Отец хотел лучшего врача, мать — чтобы никто не видел её страха. Павел появился ранним утром, красный, сердитый, с густыми тёмными волосами. Акушерка положила его матери на грудь, и та произнесла обещание, которое казалось любовью:

— Тебе никогда не будет больно.

Ни один родитель не может выполнить такого обещания. Но Наталья Воронцова попыталась.

В два года Павел швырнул серебряную ложку в няню, потому что та пыталась уговорить Пашеньку съесть хотя бы ложечку каши. Няню уволили: «Не сумела найти подход к ребёнку».

В четыре он разбил деревянным мечом старинную вазу. Отец рассмеялся и велел бухгалтеру купить похожую.

В семь Павел столкнул в бассейн сына водителя. Мальчик

не умел плавать. Водитель прыгнул следом и вытащил его. Павла отругали — тихо, в детской, — а вечером подарили телескоп, потому что он слишком долго плакал и мог решить, что родители его больше не любят.

Любви в доме было так много, что Павел никогда в ней не сомневался. Границ — так мало, что он не научился сомневаться в себе.

После истории с бассейном Павел впервые не смог уснуть из-за другого человека.

Сына водителя звали Серёжа. В доме его почти никогда не называли по имени — говорили «мальчик Коли», как будто ребёнок был ещё одной частью служебной машины. Врач осмотрел его, сказал, что вода не попала в лёгкие, и велел до утра наблюдать. Серёжу уложили в комнате над гаражом, где обычно ночевал его отец после поздних рейсов.

Павел слышал, как родители спорят внизу.

— Он мог утонуть, — говорил отец.

— Но не утонул же, — отвечала мать. — Паша не рассчитал. Дети толкаются.

— Ему семь лет, Наташа. Если мы сейчас опять сделаем вид, что ничего не случилось...

— Что ты предлагаешь? Напугать его? Он и так плачет.

Павел лежал под новым телескопом, поставленным посреди комнаты, и ждал, что отец войдёт. Отец не вошёл.

Тогда Павел взял телескоп за треногу и потащил по лестнице. Он был тяжёлым, ножки цеплялись за ступени. Возле

кухни Павел остановился: родители продолжали спорить и не заметили его. До гаража он добрался через зимний сад.

Серёжа не спал. Увидев Павла, натянул одеяло до подбородка.

— Я тебе принёс, — сказал Павел.

— Что?

— Телескоп.

— Зачем?

Павел не умел просить прощения. В семье извинения заменяли подарками, и он повторил единственный известный ему способ.

— Он дорогой.

— Мне нельзя брать.

— Я разрешаю.

— А я не хочу.

Это оказалось неожиданнее отцовского запрета. Павел сел на пол, обняв колени.

— Ты никому не скажешь, что я тебя толкнул?

— Все и так знают.

— Папа сердится.

— Мой тоже.

Они молчали. Потом Серёжа спросил:

— Ты правда не знал, что я не умею плавать?

Павел хотел сказать, что не знал. Это почти было правдой: он не спрашивал. Но в бассейне Серёжа успел крикнуть «не надо», прежде чем Павел толкнул его.

— Знал, — ответил он.

Серёжа отвернулся к стене.

— Тогда уходи.

Павел ушёл, оставив телескоп в коридоре. Утром водитель вернул его в детскую. Через неделю он уволился. Отец выплатил ему полугодовой оклад и считал, что поступил щедро.

Павел больше не видел Серёжу. Но иногда вспоминал не то, как мальчик захлебнулся, а единственное слово, произнесённое в комнате над гаражом. «Знал». Это было первое признание, за которое ему ничего не простили.

Отец, Виктор Аркадьевич, создал транспортную компанию в девяностые. Он не рассказывал сыну, как ночевал в кабине первого грузовика, как сам менял колёса на трассе и как однажды три месяца выплачивал людям зарплату из денег, занятых под квартиру. В прошлом было слишком много грязи, риска и унижения. Павла от всего этого берегли.

Когда сын спрашивал, откуда берутся деньги, отец отвечал:

— Я работаю, чтобы ты об этом не думал.

Павел и не думал.

Способности у Павла были — это признавали даже учителя, которых родители потом обвиняли в предвзятости. Он быстро схватывал, легко говорил, чувствовал настроение собеседника. В одиннадцать лет мог очаровать взрослых за столом историей, наполовину придуманной на ходу. Но способ-

ности оставались началом, а до конца любую историю доводил кто-нибудь другой.

Домашние задания дописывала мать. Разбитое окно оплачивал отец. После драки в школе директор получал пожертвование на ремонт спортзала. Павлу оставалась самая приятная часть любой истории — начало.

В шестнадцать он увидел красный спорткар у ресторана. Машина стояла под фонарём, низкая, блестящая, похожая не на средство передвижения, а на обещание другой жизни.

— Хочу такую, — сказал он отцу.

Виктор Аркадьевич продолжал читать меню.

— В восемнадцать.

Павел сначала не понял. Отец никогда не говорил «нет» так прямо.

— Почему?

— Потому что тебе шестнадцать.

— И что?

— И то. Научишься ездить, получишь права, тогда поговорим.

Мать коснулась руки мужа.

— Витя, он же не просит сейчас за руль. Можно купить, поставить в гараж...

— Наташа.

— Что «Наташа»? У ребёнка мечта.

— У ребёнка каждые две недели новая мечта.

Павел отодвинул стул.

— Ладно. Не надо.

Он вышел из ресторана без куртки. Мать догнала его у машины, накинула куртку на плечи и стала объяснять, что отец устал. Павел молчал. Он уже знал: достаточно не принимать утешение сразу, и цена утешения возрастёт.

Спорткар появился через месяц. Не тот, что у ресторана, — дороже. Оформили на компанию. Официально Павел не должен был ездить по городу, но ключ хранился в незапертом ящике отцовского стола.

Первое время с ним выезжал инструктор. Павел слушал рассеянно. Машина прощала ошибки и превращала нажатие педали в чувство власти. Через две недели он взял ключ ночью.

С ним поехали двое приятелей и девушка по имени Кристина, которую он едва знал. Они катались по пустому городу, снимали видео, кричали на светофорах. Павел чувствовал, что наконец выглядит именно так, как должен был выглядеть всегда.

На загородной трассе Кристина попросила ехать медленнее.

— Боишься? — спросил он.

— Дорога мокрая.

— Это полный привод.

Фраза прозвучала убедительно. Ни он, ни Кристина не знали, какое отношение полный привод имеет к скорости на мокром повороте.

Стрелка поднялась выше ста восьмидесяти. Впереди показались огни фуры. Павел перестроился, увидел поворот слишком поздно и дёрнул руль.

Машину развернуло.

Потом он будет помнить события отдельными кадрами: белое лицо Кристины; ограждение, возникшее сбоку; стекло, превратившееся в пыль; чужой локоть у своего подбородка; тишину после удара.

Он пришёл в себя в больнице. Таз был сломан, ключица тоже, два ребра треснули. Один приятель отделался сотрясением, второй потерял селезёнку. Кристине зашивали лицо — шрам должен был остаться от виска до нижней челюсти.

Отец сидел у окна палаты. За одну ночь он как будто постарел на десять лет.

— Пап, — сказал Павел.

Виктор Аркадьевич поднялся. Павел впервые увидел, что отец хочет его ударить. Не допустит, не ударит — но хочет.

— Ты мог их убить.

— Но не убил же.

Отец закрыл глаза.

— Девочке будут делать пластику. Семья Серёжи требует расследования. Я всё улажу. Но машину ты больше не получишь. И из школы уйдёшь только после выпускных экзаменов. Потом армия или работа у меня на складе. Всё, Паша. Закончилось.

Павел испугался. Не армии и не склада. Отец говорил тем

голосом, за которым могло последовать настоящее последствие.

Он повернулся к стене и застонал. Боль была реальной — двигаться действительно было мучительно, — но стон предназначен для матери, стоявшей в дверях.

— Витя, выйди, — сказала она.

— Наташа, не начинай.

— Выйди. Ты не видишь, ему плохо?

— Им всем плохо!

— Это твой сын!

Отец посмотрел на Павла. Несколько секунд в палате существовала возможность другой жизни — склада, работы, злости, медленного взросления и, может быть, прощения у Кристины.

Потом Виктор Аркадьевич вышел.

Мать села на край кровати и дала Павлу трубочку с апельсиновым соком.

— Не слушай его. Он просто испугался.

— Он меня ненавидит.

— Что ты такое говоришь? Он ради тебя всё сделает.

— Тогда пусть не отправляет меня в армию.

— Не отправит.

— И на склад я не пойду.

— Конечно, не пойдёшь. Тебе надо учиться.

Она достала из сумки новый телефон: старый разбился в аварии.

Через месяц семья Кристины получила деньги и отказалась от претензий. Серёже оплатили лечение. Дело закрыли. Разбитую машину увезли так быстро, что Павел больше её не видел.

Он тоже сделал вывод из случившегося. Только не тот, на который надеялся отец.

Мир мог ударить очень сильно. Но между Павлом и последствиями всегда вставали родители.

Значит, бояться следовало не мира, а дня, когда родителей не станет.

Глава 4. Разрешено всё

После аварии Виктор Аркадьевич продержался три месяца.

Он записал сына на курсы английского, договорился с преподавателем математики и дважды взял его с собой на склад. Павел появлялся в полдень, морщился от запаха дизеля и через час начинал жаловаться на боль в тазу. Боль иногда действительно возвращалась. В остальные дни возвращаться ей помогал сам Павел.

Однако один раз он остался до вечера.

Начальник смены не смог свести рейсы: две машины застряли на трассе, на разгрузке образовалась очередь, а водитель из Самары грозился развернуться и увезти товар обратно. Виктор Аркадьевич уехал на встречу, велел сыну ждать в кабинете. Павел вышел на площадку из любопытства.

Он не понимал логистики, зато хорошо понимал людей. За десять минут выяснил, что самарский водитель кричит не из-за очереди: у него заканчивалось разрешённое время за рулём, и следующий штраф мог лишить премии. Павел предложил переставить его машину к свободным воротам, а двум местным водителям оплатить ожидание. Начальник смены сначала послал его обратно в кабинет, потом подумал и согласился.

К восьми вечера площадка опустела.

Отец вернулся, увидел сына в светоотражающем жилете и впервые за долгое время посмотрел на него без тревоги или раздражения.

— Сам придумал?

— Там всё было понятно.

— Если бы было понятно, они бы не орали два часа.

Виктор Аркадьевич вызвал начальника смены, проверил цифры и ничего не сказал при людях. Только в машине протянул Павлу рабочий пропуск.

— Приезжай завтра к девяти. Покажу, как строятся маршруты.

Павел приехал. Потом ещё четыре раза. Ему нравилось входить через служебную проходную и видеть, что охрана уже знает его не только как хозяйского сына. Он быстро разобрался в программе, нашёл две пустые обратные перевозки, однажды сам позвонил недовольному клиенту и удержал договор.

На пятую неделю отец поставил перед ним конверт.

— Зарплата.

Сумма была смешной по сравнению с его карманными деньгами.

— И что мне с ней делать?

— Что хочешь. Но это первые деньги, которые появились потому, что ты оказался полезен.

Павел забрал конверт. Вечером Артур позвал его в клуб. Когда Павел сказал, что утром на склад, приятель рассмеял-

ся:

— Тебя папа решил в грузчики определить? Осталось выдать робу с фамилией.

Павел оплатил общий стол своей зарплатой. Денег не хватило даже на половину счёта, остальное списали с отцовской карты.

На склад он больше не приехал.

Рабочий пропуск ещё несколько месяцев лежал в бумажнике. Павел не выбрасывал его, но каждый раз, когда видел, убеждал себя, что вернётся позже — когда никто не сможет решить, будто его заставили.

Отец видел притворство. Но в его памяти машина всё ещё складывалась вокруг тела сына, которого могло не быть. Строгость требовала выдерживать страх, а Виктор Аркадьевич не выдерживал.

К лету Павел снова получил автомобиль — большой, тяжёлый внедорожник с водителем. Водителя можно было отпускать. Через год у Павла появились права.

Он поступил в институт на платное отделение. Специальность выбрал за столом в ресторане: один знакомый сказал, что международная экономика открывает любые двери. На первой лекции Павел познакомился с Артуром Левиным, сыном владельца сети аптек. Артур носил часы стоимостью в однокомнатную квартиру и говорил о деньгах так, будто деньги были погодой: существовали сами по себе.

Они подружились.

Артур познакомил Павла с клубами, в которых официанты помнили имена гостей, и с людьми, которые никогда не спрашивали цену заранее. Павел обнаружил удивительное свойство щедрости: если оплачивать общий стол, смеяться над твоими шутками начинают громче.

Он нравился людям. Это было правдой. В нём не было отцовской тяжести; он легко знакомил незнакомых, мог среди ночи вызвать машину для приятеля, подарить девушке серьги без повода. И сам принимал удовольствие от собственной щедрости за доброту.

На втором курсе он перестал ходить на занятия. Отцу сказал, что переводится на индивидуальный график. Матери — что помогает отцу в компании. Родители жили в одном доме, но Павел давно научился оставлять каждому отдельную версию себя.

Однажды Виктор Аркадьевич приехал в институт на встречу с ректором и узнал, что сына отчислили четыре месяца назад.

Вечером он ждал в кабинете. На столе лежала студенческая зачётка, которую Павел считал потерянной.

— Где ты был сегодня? — спросил отец.

— На семинаре.

— По какому предмету?

Павел увидел зачётку.

— Я хотел сказать.

— Когда?

— Когда сам разберусь.

— С чем? Тебя отчислили.

— Я восстановлюсь.

— Ты четыре месяца врёшь мне в лицо.

Павел сел, хотя отец не предлагал.

— Потому что с тобой невозможно говорить. У тебя сразу склад, армия, конец жизни. Ты хочешь, чтобы я стал тобой.

— Я хочу, чтобы ты стал хоть кем-нибудь.

Слова повисли между ними.

Виктор Аркадьевич сразу пожалел. Это было видно: подбородок дрогнул, взгляд ушёл в сторону. Павел понял, что победил, ещё до того, как отец заговорил.

— Паша... Я не это имел в виду.

— Именно это.

— Я хочу, чтобы у тебя появилось дело.

— У меня появится. Просто не твоё.

Он вышел. Мать нашла его через час на террасе. Павел сидел без куртки и смотрел в тёмный сад.

— Папа не хотел тебя обидеть.

— Он сказал правду.

— Нет.

— Для него я никто.

— Для него ты всё.

Это была семейная формула. Павел слышал её столько раз, что перестал понимать смысл. Если он всё, значит, остальное — ничто. Учёба, чужие деньги, чужое лицо после

аварии, отцовские бессонные ночи.

Через неделю Виктор Аркадьевич оплатил восстановление в институте. Павел не вернулся.

Годы после этого слились в длинный праздник с короткими утрами расплаты. Павел открывал рестораны, которые закрывались через полгода. Вкладывался в шоу, не доживавшие до премьеры. Покупал доли в компаниях, названия которых забывал раньше, чем приходили первые отчёты. Отец покрывал убытки, но суммы росли, и вместе с ними росло молчание за семейным столом.

Наталья Воронцова продолжала спасать сына от отца, кредиторов, брошенных женщин и разбитых машин. Всякий раз ей казалось, что главное — пережить нынешнюю беду. Она не замечала, что главным постепенно становился сам способ спасения.

В тридцать два года Павел вошёл в отцовский кабинет и увидел его лежащим возле стола. Телефон выпал из руки. На ковре темнело пятно пролитого кофе.

— Пап?

Он подошёл не сразу. Отцу иногда становилось плохо с сердцем, но прежде он успевал достать таблетки.

— Пап, хватит.

Фраза была нелепой. Будто отец устроил сцену.

Павел вызвал скорую. Потом сел на пол, взял отца за плечо и впервые за много лет попытался сделать что-то, чего нельзя было поручить другому.

Виктор Аркадьевич умер до приезда врачей.

На похоронах Павел держался достойно. Принимал соборно-лезнования, узнавал партнёров, говорил правильные слова. Многие решили, что трагедия его изменила. Он сам так решил.

После поминок Борис Сергеевич, финансовый директор компании, протянул ему папку.

— Виктор Аркадьевич оставил распоряжения. Нам нужно встретиться на следующей неделе.

— Потом.

— Павел Викторович, там есть срочные обязательства.

— Я сказал: потом.

Мать взяла его под руку.

— Не трогайте мальчика сегодня.

Мальчику было тридцать два.

Через год умерла и она. Инсульт случился ночью. Павел был на островах и увидел семь пропущенных звонков утром, когда вышел из бара. На похороны прилетел вовремя, но проститься уже не успел.

После смерти матери дом стал огромным. В нём работали те же люди, каждое утро менялись цветы, повар готовил завтрак, однако Павлу казалось, что здание медленно остывает.

Первые недели он спал в гостиной. Потом стал приглашать друзей. Музыка заполняла комнаты, в бассейне плавали бокалы, незнакомые люди фотографировались возле материнских картин. Павел ходил среди них и чувствовал об-

легчение: пока кто-то смеялся, ему не нужно было слышать тишину.

Борис Сергеевич продолжал звонить. Компания теряла контракты. Несколько топ-менеджеров ушли. Павел подписывал бумаги, которые ему приносили, а затем продал контрольную долю группе инвесторов. Ему сказали, что это разумное решение: капитал высвободится, риски исчезнут, можно будет жить на проценты.

Сумма на счёте казалась бесконечной.

Она закончилась за семь лет.

Не в один день и не из-за одной ошибки. Так было бы даже легче. Состояние уходило слоями: дом, который слишком дорого содержать; яхта, на которой Павел бывал дважды; ресторан Артура; ставки, позволявшие чувствовать риск; женщины, рядом с которыми не было тишины; займы друзьям, исчезавшим вместе с деньгами; кредиты, взятые, чтобы не продавать последнее слишком дёшево.

Когда банки перестали давать, Артур познакомил его с Глебом.

Глеб говорил негромко, носил простое серое пальто и никогда не произносил слова «проценты». Он называл их благодарностью за скорость.

— Три месяца, — сказал Павел. — Я закрываю сделку с землёй и возвращаю вдвое.

— Вернёшь по договорённости, — поправил Глеб. — Вдвое мне не нужно. Мне нужно вовремя.

Павел протянул руку.

— Я всегда возвращаю.

В ту секунду он почти верил себе.

Через три месяца сделки не было. Через пять земля оказалась арестована. Артур перестал отвечать. Глеб ответил с первого гудка.

— Где деньги, Павел Викторович?

— Нужна неделя.

— У тебя их было двадцать две.

— Я всё отдам.

— Я знаю. Вопрос только в том, что ты будешь считать словом «всё».

После этого Павел сменил номер, съехал из квартиры и впервые в жизни попытался исчезнуть.

Он ещё не знал, что у человека без денег исчезновение устроено иначе. Богатый может уехать. Бедный только выпадает из поля зрения тех, кому больше не нужен.

Глеб всё равно его нашёл.

Глава 5. На дне

На улице Павел научился просыпаться до рассвета.

Не из дисциплины, как Андрей Соколов, которого он тогда ещё не знал. После пяти утра подъезды оживали: кто-то шёл на работу, кто-то выводил собаку, дворники проверяли лестницы. Если не уйти раньше, выгоняли. Иногда спокойно. Иногда ногами.

Первую ночь Павел провёл в круглосуточном кафе. Заказал чай и сидел, пока официант не попросил освободить стол. Вторую — на вокзале. На третью у него украли сумку с документами и последней чистой рубашкой. Через неделю он уже различал места, где охранник смотрит сквозь тебя, и места, где вызывает полицию сразу.

Он по-прежнему считал происходящее временным. Ещё один звонок. Ещё одна встреча. Артур обязательно ответит. Бывший партнёр поможет. Женщина, которой он когда-то подарил машину, даст пожить несколько дней.

Люди отвечали сначала из любопытства, затем всё реже.

— Паш, у меня дети дома.

— Понимаешь, жена будет против.

— Я сейчас сам на мели.

— Давай после праздников.

После праздников его номер оказался заблокирован почти у всех.

Однажды Павел увидел своё отражение в витрине закрытого банка. За стеклом висела реклама: улыбающаяся семья стояла на пороге нового дома. Поверх семьи отражался мужчина в грязной куртке, с воспалёнными глазами и седой щетиной.

Павел оглянулся. Ему показалось, что мужчина стоит сзади.

Сзади никого не было.

Через четыре месяца он перестал бриться. Через шесть продал телефон. Через восемь впервые достал еду из контейнера за супермаркетом.

Он выбрал пакет с выпечкой. Булочки были вчерашние, аккуратно упакованные, и это позволило представить, что он не роется в мусоре, а забирает списанный товар. На следующий день там ничего не оказалось. На третий Павел нашёл йогурт с истёкшим сроком и съел его прямо у контейнера.

Мимо шла женщина с мальчиком лет пяти. Мальчик остановился.

— Мама, а дядя почему из мусора ест?

Женщина потянула его за руку.

— Не смотри.

— Он голодный?

— Я сказала, пойдём.

Павел отвернулся, будто мог сохранить достоинство, если ребёнок увидит только спину.

Через несколько шагов мальчик вырвался, подбежал и по-

ложил на край контейнера маленькую булку в прозрачном пакете.

— Возьми, — сказал он.

Мать догнала его, схватила за плечи.

— Нельзя убежать!

— Но он же голодный.

— Пойдём немедленно.

Они ушли. Павел долго смотрел на булку. Потом сел на бордюр и заплакал.

Не от благодарности. Благодарность пришла позже. Сначала было унижение: ребёнок дал ему то, что взрослые, знавшие Павла за дорогими столами, не дали. Потом злость на женщину, на Артура, на Глеба, на умершего отца. И только под самой злостью находилось что-то другое — маленькое, болезненное понимание.

Мальчик его увидел.

Не прежний статус, не фамилию и не возможную пользу. Просто голодного человека.

Павел съел булку медленно, отламывая по кусочку.

В тот же вечер его нашли люди Глеба.

Их было двое. Один держался в стороне, второй сел рядом на скамейку, как старый знакомый.

— Похудел, Павел Викторович.

Павел не ответил.

— Глеб Андреевич просил передать привет.

— У меня ничего нет.

— Это мы уже поняли.

— Тогда чего он хочет?

Мужчина посмотрел на него почти сочувственно.

— Чтобы ты помнил. Иногда долг возвращается не деньгами.

Он положил рядом визитку. Белый плотный картон, только номер телефона.

— Позвони, когда решишь стать полезным.

Павел дождался, пока они уйдут, взял визитку и сунул в карман. Выбросить не хватило смелости.

Зима началась рано. Ночью температура падала до двенадцати градусов мороза. Павел перебрался в подвал заброшенного дома возле реки. Там пахло сыростью, но не дуло. Старый матрас он нашёл у мусорных баков, картон принёс с рынка.

На третью ночь в подвал спустился пожилой мужчина в вязаной шапке. Он шёл, проводя ладонью по стене, и дышал так, будто в груди перекачивались мелкие камни.

— Занято, — сказал Павел.

Мужчина посветил на него карманным фонариком.

— Кем куплено?

— Мной найдено.

— Это другое право собственности.

Он представился Семёнычем, снял с плеча мешок и начал устраиваться у трубы. Павел смотрел, как тот подкладывает под бок газеты, и злился. Ему понадобилось несколько

недель, чтобы найти место, где не выгоняли дворники и не обыскивали подростки. Теперь первый встречный вёл себя так, словно имел здесь долю.

— Там холоднее, — сказал Павел.

— Я заметил.

— Матрас один.

— И что предлагаешь?

Павел ничего не предлагал. Он лёг лицом к стене и натянул куртку на голову.

Ночью его разбудил свист. Сначала он решил, что ветер пробивается через решётку, потом понял: звук идёт из угла. Семёныч сидел, привалившись спиной к трубе, и пытался вдохнуть. Рядом валялся пустой ингалятор.

— Лекарство где?

Семёныч показал на баллончик.

— Кончилось.

— Давно?

Тот не ответил. На лбу блестел пот.

Павел выбежал на улицу. Ночная аптека находилась у вокзала — минут двадцать быстрым шагом. Денег у него не было. Последние купюры он потратил на хлеб и дешёвые носки, а просить после булки, оставленной ребёнком у мусорного бака, оказалось почти невозможно.

За стойкой сидела молодая фармацевт. Павел положил перед ней пустой баллончик.

— Нужен такой же.

Она назвала цену.

— Я принесу утром.

— Мы не даём лекарства в долг.

— Человек задыхается.

— Вызывайте скорую.

Телефон ему дали не сразу. Диспетчер задавала вопросы: возраст, диагноз, точный адрес. Павел не знал ничего, кроме имени, а у заброшенного дома не было номера на двери.

— Оставайтесь рядом с больным, бригада передаст вам инструкции.

— Я не рядом. Я в аптеке.

— Тогда кто с ним?

— Никто.

Произнеся это, Павел увидел подвал так, будто смотрел сверху: тёмный угол, пустой ингалятор, старик, которого утром найдут только потому, что кому-нибудь понадобится чужое место. Он снял с запястья часы отца. Ремешок давно потрескался, на задней крышке ещё читались инициалы.

— Возьмите их, — сказал он фармацевту. — До утра. Они стоят дороже всей вашей витрины.

Девушка отодвинула часы.

— Я не ломбард.

— Тогда вызовите такси. В аптечке у водителя может быть ингалятор.

— В такси нет аптек с рецептурными препаратами.

— Сделайте хоть что-нибудь.

Он сказал это прежним голосом — тем, которым когда-то требовал лучший стол, закрытую кухню и машину к отдельному выходу. Только теперь за требованием не было ни денег, ни фамилии. Фармацевт посмотрела на его одежду, затем на часы.

— Оставьте залог, — сказала она. — Утром вернёте деньги.

Павел побежал обратно. Он споткнулся на обледеневших ступенях, разбил ладонь, потерял коробку и несколько секунд искал её в снегу. Когда добрался до подвала, Семёныч уже лежал на боку.

После первых вдохов лекарство подействовало не сразу. Павел сидел рядом, считая промежутки между хрипами, пока сверху не послышалась сирена. Он вышел встретить бригаду и едва не подрался с фельдшером, который велел не мешать.

Семёныча увезли. Перед тем как закрылись двери, он приподнял руку.

— Место твоё, — выговорил он.

— Лечись давай.

— Командир нашёлся.

Утром Павел вернулся в аптеку. Денег по-прежнему не было. Девушка узнала его, но часы отдавать отказалась.

— Вы обещали до утра.

— Я принесу. Мне нужно несколько дней.

— Тогда оформляйте залог нормально. Через ломбард.

В ломбарде за углом часы оценили в двадцать пять тысяч. Павел ожидал в десять раз больше и сначала забрал их со стойки. Потом вспомнил номер Глеба в кармане, пустой подвал и собственный голод. Он согласился. Из денег отдал аптеке стоимость ингалятора, купил еды и неделю спал в дешёвой комнате возле рынка.

Остаток исчез быстрее, чем он рассчитывал. Часть забрали люди, обещавшие восстановить документы. Часть Павел потратил на старый телефон и звонки тем, кто снова не ответил. Когда деньги закончились, он вернулся в подвал.

Семёныч уже был там.

— Часы продал? — спросил он.

— Заложил.

— Значит, вернёшь.

— Конечно.

Павел произнёс это с привычной уверенностью. Обещание было дано самому себе, без свидетелей, а такие обещания он нарушал легче всего.

Каждый вечер он обещал себе, что завтра позвонит Глебу. Каждый раз представлял, какую «полезность» тот предложит, и откладывал.

Однажды ночью Павел проснулся от ощущения, что рядом кто-то стоит. Подвал был пуст. Сквозь решётку под потолком падала полоска света.

Он прислушался.

Никакого голоса не было.

Только вода капала из трубы.

— Если ты есть, — произнёс Павел неизвестно кому, — сейчас самое время.

Никто не ответил.

Он усмехнулся, натянул куртку на голову и закрыл глаза.

Через три дня он вышел к старому мосту.

Глава 6. Незаконченный день

Переговоры закончились в одиннадцать двадцать.

Инвесторы согласились войти в отдельную проектную компанию, но потребовали изменить доли именно в новом объекте. Акции самого «СеверГрада» сделка не касалась. Андрей уступил меньше, чем они хотели, и больше, чем планировал. На подпись договорились выйти через неделю.

Михаил проводил гостей до лифта и вернулся в переговорную.

— Ты обещал Вере быть дома к восьми.

Андрей поднял глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Она звонила. Тебе. Телефон лежал здесь и светился. Я не отвечал.

На экране было два пропущенных и сообщение: **Понятно. Спокойной ночи.**

— Я сейчас поеду.

— Позвони.

— Разбужу.

— Андрей, позвони.

Он набрал. Гудки шли долго. Вера не ответила.

— Завтра объясню.

Михаил покачал головой.

— Ты всё время живёшь так, будто завтра принадлежит

тебе по договору.

Андрей надел пальто. Коробочка коснулась груди через подкладку.

— Поэтому и еду сегодня.

— Водителя вызвать?

— Пройдусь. Голова гудит.

Снег начался, когда он вышел. Большие хлопья таяли на тёплом асфальте, но на крышах машин уже лежал тонкий белый слой. До дома Веры было сорок минут пешком. Через старый мост — тридцать.

Андрей купил по дороге букет. Цветочный киоск закрывался, продавщица уже убрала половину вёдер.

— Розы остались, — сказала она.

— Она не любит розы.

— Тогда хризантемы.

Он увидел ветки эвкалипта и белые маленькие цветы, названия которых не знал.

— Вот эти.

— Гипсофила?

— Наверное.

Продавщица собрала лёгкий зимний букет, перевязала серой лентой. Андрей представил, как Вера откроет дверь сердитая и сонная. Он скажет: «Я не хочу больше просить тебя потерпеть». Потом достанет кольцо. Без ресторана, без фотографа, без заранее подготовленной речи. Наконец-то неидеально, зато сейчас.

У входа на мост ветер ударил в лицо. Река внизу ещё не замёрзла, чёрная вода несла редкие куски льда. Мост давно собирались закрыть на ремонт. Металлические перила покрылись ржавчиной, несколько фонарей не горели.

На середине Андрей остановился и достал сигареты.

Он курил редко — главным образом после тяжёлых переговоров — и каждый раз обещал Вере, что пачка последняя. Сейчас зажигалка не сработала с первого раза. Ветер гасил огонь.

— Плохая привычка.

Андрей обернулся.

У перил стоял мужчина. Грязная куртка была ему велика, одна штанина заправлена в ботинок, другая волочилась по снегу. Лицо опухло от холода или побоев. Андрей не заметил, откуда он появился.

— Согласен, — сказал Андрей и убрал сигарету.

Мужчина посмотрел на букет.

— К женщине?

— Да.

— Значит, не курите. Они запах чувствуют.

В голосе сохранился след прежней жизни: образование, привычка говорить на равных. Андрей встречал таких людей в приютах — падение не сразу стирало интонацию.

— Вам помочь?

Мужчина засмеялся.

— Чем?

— Не знаю. Поэтому спрашиваю.

— Деньгами можете?

Андрей достал бумажник. Наличных оказалось немного.

Он протянул две купюры.

Мужчина посмотрел, но не взял.

— А если я пропью?

— Тогда пропьёте.

— Не жалко?

— Жалко. Но это будет ваш выбор, не мой.

Мужчина всё-таки взял деньги.

— Умный.

— Нет. Просто знаю, как выглядит помощь, после которой ты всем должен.

Они помолчали. Снег ложился на букет и плечи.

— А вы кому должны? — спросил мужчина.

Андрей хотел ответить привычно: партнёрам, сотрудникам, фонду, Вере. Но вопрос прозвучал иначе.

— Многим.

— Значит, богатый.

— Почему?

— Бедному никто не даёт столько в долг.

Мужчина сунул купюры в карман и пошёл к другому берегу. Он прихрамывал. У погасшего фонаря остановился, взялся за перила.

На дальнем берегу башенные часы начали бить полночь.

Металл хрустнул.

Андрей увидел, как секция накренилась наружу. Мужчина потерял опору, нелепо взмахнул руками и перевалился через край.

Букет упал на снег.

Андрей бросился вперёд и успел схватить его за запястье. Удар о перила отозвался болью в рёбрах. Мужчина висел над водой, второй рукой цепляясь за рукав пальто.

— Не дёргайтесь! — крикнул Андрей.

— Я не...

Перила закрипели.

Андрей упёрся коленом в нижнюю перекладину. Нужно было позвать на помощь, но мост был пуст, ветер уносил голос. Он попробовал подтянуть мужчину. Тот оказался тяжелее, чем выглядел, или промёрзшие пальцы уже не слушались.

— Ногу на балку! Справа от вас!

— Не достаю!

В свете дальнего фонаря Андрей увидел его лицо. Не страх — узнавание. Будто мужчина вдруг понял, что вся его жизнь действительно привела к этой секунде.

— Отпустите, — сказал он.

— Молчите.

— Вы тоже упадёте.

— Не отпущу.

Это были последние слова, которые Андрей произнёс своим голосом.

Крепление перил вырвало из бетона. Мир накренился. Андрей ещё успел увидеть на снегу белые цветы и подумать, что Вера снова будет ждать.

Потом пришёл холод.

Вода ударила так, словно была твёрдой. Пальто мгновенно потяжелело. Андрей потерял руку мужчины, небо и направление. Где-то рядом бился другой человек. На секунду ладони снова встретились, но течение разорвало их.

Внутренний карман распахнулся. Маленькая коробочка выскользнула в воду.

Андрей потянулся за ней — бессмысленно, инстинктивно — и увидел в темноте слабый отблеск.

Держись. Я здесь.

Голос был тот же.

Только на этот раз Андрей не понял, обращаются к нему или к человеку рядом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МЕЖДУ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МЕЖДУ

Глава 7. Два тела

Первой неладное заметила девочка.

Она ехала с отцом по набережной и смотрела в окно, потому что телефон разрядился. Снег летел навстречу машине, фонари растягивались в мокром стекле. Возле старого моста что-то блеснуло у самой воды.

— Пап, там человек.

— Где?

— В реке.

Отец сбросил скорость, но ничего не увидел.

— Показалось тебе.

— Нет. Остановись.

Он остановился только потому, что дочь уже расстёгивала ремень. Они вышли. На мосту лежал букет, припорошённый снегом. Рядом темнел провал в ограждении.

Мужчина достал телефон.

Пока спасатели спускали лодку, река успела унести тела почти на четыреста метров. Андрея вытащили первым. Он зацепился полрой пальто за металлическую конструкцию старого причала и держался на поверхности лицом вниз. Павла нашли ниже по течению, между опорами. У обоих не прощупывался пульс.

Фельдшер скорой Сергей Кравцов потом не мог объяснить, почему продолжал реанимацию Андрея после двадца-

ти восьми минут. По протоколу ещё оставалось время, но сам Кравцов уже понимал, чем всё закончится. Вода была ледяной, мужчина не дышал, монитор показывал прямую линию.

— Всё, — сказал водитель, помогавший держать кислородную маску.

— Ещё разряд.

— Серёг, всё.

— Разряд!

Тело дёрнулось. На экране прошла слабая неровная волна.

— Есть ритм.

На несколько секунд никто не поверил. Затем машина сразу наполнилась движением: команды, ампулы, ремни, сухие цифры давления. Кравцов продолжал работать и не заметил, что повторяет под нос два слова:

— Держись. Держись.

В другой машине реанимировали Павла. Его сердце запустилось на три минуты позже.

Документов при нём не было. В кармане нашли белую визитку с номером телефона, две купюры и мокрую бумажную салфетку. Дежурная медсестра позвонила по номеру, решив, что это родственник.

Глеб ответил почти сразу.

— В городскую больницу доставлен неизвестный мужчина, — сказала она. — Ваш номер был у него в кармане. Вы можете помочь установить личность?

На другом конце провода помолчали.

— Опишите.

— На вид около сорока. Рост примерно метр восемьдесят. Худой. Тёмные волосы с проседью. Шрам над правой бровью.

— Павел Воронцов.

— Вы родственник?

— Нет.

— Кем вы ему приходитесь?

— Он мне должен.

Связь оборвалась.

Андрея опознали по бумажнику. В половине второго ночи Вере позвонили из реанимации.

Она не спала. Сидела на кухне в его рубашке и злилась. Злость была привычной и даже уютной: Андрей опять не приехал, утром они поговорят, он признает вину, но так сформулирует причины, что виноватой почувствует себя она. Потом принесёт кофе — ужасный, слишком крепкий — и будет смотреть с той серьёзностью, перед которой невозможно долго сердиться.

На столе лежал телефон. Когда высветился незнакомый номер, Вера решила, что Андрей звонит с чужого.

— Алло.

— Вера Николаевна?

— Да.

— Вас беспокоят из городской клинической больницы. К

нам поступил Андрей Сергеевич Соколов. Вы указаны как контактное лицо.

Она выслушала всё до конца. Переспросила адрес. Записала его на коробке с чаем, хотя хорошо знала, где находится больница. Затем надела сапоги, забыв про носки, и выбежала из квартиры.

В приёмном покое пахло дезинфицирующим средством и мокрой одеждой. За стойкой женщина заполняла бумаги, рядом ругался мужчина с разбитым подбородком. Вера назвала фамилию.

— Реанимация, — ответила медсестра. — Седьмой этаж. Ждите врача.

— Он жив?

— Врач всё скажет.

— Я спрашиваю, жив ли он.

Женщина посмотрела на неё поверх очков.

— Сердце работает.

В лифте Вера впервые увидела свои руки. Они дрожали. Она сжала их в кулаки и стала считать этажи.

Врач вышел через двадцать минут. Молодой, с красными следами от маски на лице. Он говорил осторожно, будто ставил каждое слово на лёд и проверял, выдержит ли.

— Было длительное утопление и остановка сердца. Сейчас пациент на искусственной вентиляции. Температуру тела намеренно поддерживаем пониженной, это защищает мозг. Состояние крайне тяжёлое.

— Он придёт в себя?

— Мы делаем всё возможное.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Вера прислонилась к стене.

— Можно к нему?

— Ненадолго.

Андрея было трудно узнать среди трубок, пластырей и проводов. Волосы ещё оставались влажными. На щеке темнела ссадина. Аппарат поднимал его грудь с одинаковыми промежутками, и от этой правильности становилось страшнее, чем от неподвижности.

Вера взяла его за руку.

— Ты обещал быть к восьми, — сказала она.

Монитор продолжал отсчитывать удары.

— Я знаю, что сейчас не время. Но ты обещал.

Она замолчала, ожидая невозможного ответа.

В коридоре кто-то громко назвал вторую фамилию:

— По Воронцову кто-нибудь приехал?

Никто не отозвался.

Павел лежал через две палаты. Такое же неподвижное тело, тот же аппарат, только возле кровати не сидел никто. На тумбочке стоял прозрачный пакет с его вещами: дешёвая зажигалка, визитка, две купюры. Медсестра подписала пакет чёрным маркером и убрала в шкаф.

Под утро к Андрею приехал Михаил. Он вошёл в отделе-

ние без пальто, в одном пиджаке. Сел рядом с Верой и протянул ей бумажный стаканчик.

— Кофе.

Она сделала глоток.

— Такой же ужасный, как у него.

— Я старался.

Несколько минут они смотрели на закрытую дверь реанимации.

— Что было на мосту? — спросил Михаил.

— Перила сломались. Он пытался вытащить другого мужчину.

Михаил закрыл лицо ладонями.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Он не мог просто пройти.

Вера услышала в этих словах восхищение и неожиданно разозлилась.

— Все всегда им восхищаются. Андрей спас, Андрей решил, Андрей взял на себя. А потом мы сидим здесь и говорим: «Конечно». Будто у него не было выбора.

— Он был такой.

— Нет, Миша. Он каждый раз это выбирал.

Михаил хотел возразить, но промолчал.

К полудню новость попала в интернет. «Известный предприниматель пострадал, спасая бездомного». Журналисты звонили в компанию и фонд. Помощница Андрея повторяла

одну фразу: состояние тяжёлое, семья просит не беспокоить.

Слово «семья» Вера услышала в выпуске новостей. Оно кольнуло. Андрей собирался когда-нибудь сделать их семьёй. После фонда, нового цеха, следующего квартала, ещё одного важного дела. Она не знала о кольце, лежавшем теперь на речном дне.

Вечером врачи начали медленно согревать обоих пациентов.

У Андрея возникли судороги. У Павла упало давление. Несколько часов аппараты, лекарства и люди в одинаковой синей форме удерживали две жизни на самой узкой границе. Но внутри неподвижных тел уже никого не было.

Глава 8. Свет

Сначала Андрей решил, что открыл глаза.

Потом понял: глаз у него нет.

Не было век, которые можно поднять, тяжести головы, воздуха в лёгких. И всё же он видел — сразу во все стороны, без необходимости поворачиваться. Увиденное не складывалось в привычную картину. Оно скорее вспоминалось в ту же секунду, когда возникало.

Вокруг был свет.

Не белый и не золотой. Цвет назвать не удавалось: в нём одновременно присутствовало утреннее небо, пламя свечи, зелень после дождя и что-то ещё, чего на земле не существовало. Свет не падал откуда-то. Он был пространством.

Андрей попытался вдохнуть. Ничего не произошло. Страх пришёл мгновенно — короткий, телесный, хотя тела не было.

Я умер.

Мысль прозвучала отчётливо. За ней поднялись имена.

Вера.

Михаил.

Саша.

Он вспомнил мост, чужую руку, воду и коробочку, выскользнувшую из кармана. Попытался двинуться назад, к реке, но здесь не существовало направления «назад».

— Нет, — сказал Андрей.

Голос у него появился, хотя губ не было. Слово разошлось в свете, как круг по воде.

— Нет. Я не могу.

Тогда он заметил землю под собой.

Равнина уходила вдаль, покрытая травой. Каждая травинка была различима, и при этом Андрей видел поле целиком. Над горизонтом поднимались очертания города. Не здания, а прозрачные формы, похожие на музыку, которой придали объём. Они менялись, когда Андрей пытался рассмотреть их внимательнее.

Справа кто-то застонал.

Павел лежал на траве, прижав руки к груди. На нём больше не было мокрой куртки. Простая светлая одежда скрывала тело, которое выглядело таким, каким могло быть до голода и улицы: лицо расправилось, синяк исчез, волосы стали гуще. Но глаза остались прежними — настороженными и обиженными.

Он сел и ощупал себя.

— Где мы?

Андрей не ответил.

— Это больница?

— Нет.

Павел оглядел равнину.

— Тогда я сплю.

— Возможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.